

Андрей Зотиков

*Ходили мы
и вы
походами*

Сборник рассказов о подводниках

Андрей Зотиков

**Ходили мы и вы походами.
Сборник рассказов о подводниках**

«Издательские решения»

Зотиков А. Г.

Ходили мы и вы походами. Сборник рассказов о подводниках /
А. Г. Зотиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835792-3

Говорят, царь-батюшка в свое время издал приказ по морскому министерству, чтобы «подводникам платить, сколько они пожелают, ибо все равно они скоро все потонут или взорвутся, а потому большого ущерба казне не принесут»... Да, наша служба «и опасна, и трудна». Лодки тонули и на войне, и в мирное время. И было бы совсем грустно, если бы не удивительная способность моряков-подводников не унывать в любой обстановке: не служил бы я на флоте, если б не было смешно!

ISBN 978-5-44-835792-3

© Зотиков А. Г.
© Издательские решения

Содержание

Серьезно и несерьезно о серьезном	6
Мерзавцы	9
Комбриг	10
Одно неувольнение	13
Мыльная опера	15
Бедный Вася	17
«Подводники... вашу мать!»	19
Приснится же такое!	20
Борис Абрамович	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ходили мы и вы походами
Сборник рассказов о подводниках
Андрей Гелиосович Зотиков

© Андрей Гелиосович Зотиков, 2016

ISBN 978-5-4483-5792-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Серьезно и несерьезно о серьезном

Как вы думаете, какой из предметов в Военно-Морском училище являлся для советских курсантов самым важным? Если взять, например, курсантов штурманского факультета? Думаете, кораблевождение? Не-а, мимо! Может быть, мореходная астрономия с астронавигацией? Опять мимо! Ну, тогда, наверное, технические средства кораблевождения. Нет, нет и ещё раз нет!

Для курсанта эпохи недостроенного социализма самой важной являлась кафедра общественных дисциплин с её марксистско-ленинской философией, политэкономией и научным коммунизмом – этих трёх чудо-юдо-рыб-китов, на которых строилась вся партийно-политическая работа на флоте. Эти дисциплины были настолько серьёзны, что даже пересдаче практически не поддавались.

Был у нас на пятом курсе один курсант, доучившийся почти до золотой медали. Мешала одна-единственная четвёрка, зафиксированная документально на кафедре тактики морской пехоты ещё даже до первого курса – на КМБ. КМБ – это месяц проверки на вшивость, то есть, я хотел сказать, на выживаемость, расшифровывается так: курс молодого бойца. Так сказать, переходный период между удачной сдачей вступительных экзаменов и приёмом присяги.

Вот тогда-то наш отличник и получил единственную за пять лет четвёрку: то ли не так окоп выкопал, то ли гранату не туда кинул – уже и не вспомнить.

Чтобы заработать золотую медаль и потом всю жизнь любоваться своей фамилией на гранитной доске, пришлось нашему потенциальному медалисту на пятом курсе пересдавать эту четвёрку. Пересдал он её – естественно, на «пять» – перед самым отъездом на стажировку.

Стажировка на Северном флоте так же прошла на «отлично». Впереди маячили только госэкзамены и защита дипломного проекта – и всё, золотая медаль, считай, уже в кармане!

По случаю удачного завершения «стажа» был устроен мини банкет в вагоне поезда, уволившего нашего героя с товарищами с Северов в училище. Денег на выпивку не хватало, поэтому курсанты воспользовались бартером. В те годы тотального дефицита они «на ура» обменяли на водку тушёнку, сгущёнку и пару тельняшек. Но... при обмене были с поличным взяты одним из цепных псов стажировки – по совместительству преподавателем (о, судьба-злодейка!) с кафедры научного коммунизма.

Вместо банкета была организована внеочередная лекция о вреде пьянства и алкоголизма и нарушения уставов. А наш отличник – как непосредственный исполнитель бартерной сделки – вдобавок написал сочинение на тему: «Ай-яй-яй, как я опозорил высокое звание советского курсанта!».

В общем, на зачёте по политработе (приравненном к госэкзамену) наш отличник, изумительно ответивший на все вопросы, тем не менее, получил госоценку – три балла.

– Но я же ответил на «отлично»! – возмущался он.

– На «отлично», – соглашались с ним. – Но свои отличные знания вы не можете использовать в повседневной деятельности. Вспомните, как вы опозорили звание будущего офицера при следовании со стажировки!

И, для наглядности, совали ему под нос его же сочинение «Ай-яй-яй...».

И наш «отличник» вместо золотой медали и увековечивания своей фамилии в граните получил просто диплом. Причем не красный, а синий – потому что в медовой бочке с пятёрками оказалась одна-единственная дегтярная ложка – с тройкой. Которую не разрешили пересдать наши принципиальные политработчие с кафедры общественных дисциплин.

Серьёзные ребята! Вот поэтому мы, – даже на пятом курсе! – на их политических лекциях тоже сидели серьёзные и строчили, строчили конспекты. Не дай Бог, попасть на заметку преподавателю – сгноит!

Честно говоря, качество записываемого материала оставляло желать лучшего. То, о чём говорилось на лекциях, мы потом спокойно конспектировали с первоисточников наших классиков марксизма-ленинизма. Для этого существовала самоподготовка. (Кстати, я всегда удивлялся, а куда из названия «марксизм-ленинизм» пропал третий брат наших вождей – Энгельс? По идее, должно быть: «энгельсизм-марксизм-ленинизм»). А на лекциях можно было писать всё, что угодно: кто с деловым видом строчил письма любимым девушкам, для отвода глаз периодически задавая уточняющие вопросы преподавателю; кто переписывал конспект по вероятному противнику; я, например, высунув язык от усердия, сочинял в тетради всякую ахинею типа:

...Прислушиваясь к малейшему шороху из кустов и принохиваясь к характерному запаху сапог сорок пятого калибра, майор Пронин шёл по следам Фантомаса. Злодей, изловленный накануне уборщицей ресторана бабой Маней (напился, болезный, и упал лицом в грязь), только что проник в малейшую щель в углу камеры и испарился из тюрьмы на улицу.

Петляющие по-заячьи следы Фантомаса привели майора Пронина на аэродром. Майор запрыгнул на ходу в отлетающий самолёт и выглянул в иллюминатор. На взлётной полосе стояла одинокая фигура Фантомаса, опять перехитрившего своего злейшего врага. Фантомас махал вслед самолёту уже мокрым от слёз носовым платочком и мерзко улыбался. Другой рукой он только что подпалил бикфордов инур, тянущийся за самолётом...

Отложив ручку, я перечитал только что написанное. Не-ет, это не «ахинея»! Это – бред сумасшедшего! Такое можно написать только на лекции по военной педагогике и психологии, потому что тот бред, который нас заставляли записывать на занятиях, был гораздо «бредовее», чем незаконченный роман про майора Пронина и Фантомаса.

Между прочим, лично мне, за все годы службы, ни разу не пришлось применить на практике то, что вбивалось нам в головы нашими партийно-политическими боссами на лекциях.

Зато на второй день лейтенантской службы пришлось засесть в трюме центрального поста вдвоём со штурманским электриком и ремонтировать лаг, который у нас почему-то вместо скорости вдруг стал погоду показывать. Вот тогда-то я и проклял всю эту партийно-политическую муру, которой нас пичкали в училище, отбирая часы у той же ремонтной подготовки. В трюме мы просидели сутки (!), хотя, обучи нас в училище, как ремонтировать технику, мы справились бы за пару часов.

Для воспитания матросов, которых «куда ни целуй, у них везде жопа», существовал спецконтингент под кодовым названием «замполиты». А для ремонта разваливающейся штурманской техники существовали мы, штурмана. Но нас почему-то учили целовать подчинённых – в то самое место неоднократно и взасос, – но не учили ремонтировать то, что ломается.

...Преданно глядя в глаза преподавателю на лекции по тактике лобызания личного состава, я продолжал усердно записывать в тетрадь:

...Майор Пронин проследил взглядом за горящим инуром и обнаружил на другом его конце привязанный к крылу самолёта бочонок с порохом. «Это конец!» – подумал майор Пронин и поискал судорожным взглядом стоп-кран. Не найдя искомого, он понял, что катастрофы не избежать. От этой мысли сердце в его груди подпрыгнуло и задрожало ногами.

...От этой писанины меня оторвал толчок в плечо. Мой сосед по парте Лёшка, так же усердно что-то записывающий корявым почерком, зашептал мне в ухо:

– Андрюха, вопрос: как называется животное, живущее в море на большой глубине и питающееся камнями?

Кроссворд он, что ли отгадывает?

– Не знаю, – также шёпотом ответил я и отмахнулся от Лёшки. – Не мешай, с мысли сбиваешь.

Лёшка, помолчав, опять шепчет в ухо:

– Слышь, Андрюха! Оно называется «глубоководный камнеед».

Ну, нельзя же так резко! Гнусно оторванный от серьёзного дела, я еле успел сунуть кулак в рот и укусить себя сильно, иначе заржал бы на всю аудиторию, чем, естественно, привлёк бы внимание полит-преподавателя.

Минут через пять я справился с приступом смеха и показал Лёшке кулак. Тот пожал плечами и уткнулся в свой конспект.

Я настроился и продолжил написание романа про майора Пронина:

...В бессильной ярости, скрипя оставшимися после последней драки с Фантомасом зубами, майор Пронин выхватил из кармана берданку и стал садить пулю за пулей в Фантомаса за окном. Пули отлетали от непробиваемого стекла иллюминатора и, сплюснутые, падали к ногам стюардессы, лежавшей в кресле без сознания в голове. Периодически приходя в себя, стюардесса замечала аварийными глазами растущую горку пуль и снова падала с кресла в обморок...

Всё устоялось и потекло своим чередом: лектор о чём-то разглагольствует сам с собой, мы – заняты своими делами. Я раздумываю над очередной фразой. В это время Лёшка, о существовании которого я уже успел забыть – так увлёкся – опять горячо зашептал мне в ухо:

– Слушай, а что будет с камнем, если его бросить в море на большую глубину?

– Н-не знаю, – пожав плечами, я снова уткнулся в «конспект».

– Его съест глубоководный камнеед! – ляпнул вдруг Лёшка.

... Вот тут я уже не успел укусить себя больно! Нечленораздельный звук вырвался из моей глотки, когда я попытался засунуть туда кулак. Получилось что-то среднее между хрюканьем домашней свинки и ржанием дикого мустанга.

Аудитория прервала свои занятия и посмотрела в мою сторону. В том числе и парт-полит-преподаватель! Удивленно!

– Товарищ курсант, встаньте!

«Это он мне, – сквозь душивший меня хохот промелькнула мысль. – Попался!»

С кулаком в зубах, продолжая хрюкать, я встал. Лёшка, гад, свой кулак успел прикусить вовремя, поэтому остался на месте, прячась за широкой спиной сидевшего впереди старшины класса.

Преподаватель нахмурил брови и строго посмотрел на обнаглевшего курсанта – на меня, то бишь:

– Объясните мне, что смешного я сейчас сказал?

Я бы объяснил ему, что он тут ни при чём, но не мог выпустить затычку изо рта. Потому что, как и майор Пронин в моем незаконченном романе, «вошёл в истерику и никак не мог из неё выйти...»

Так и не получив ответа на свой вопрос, преподаватель указал мне на дверь...

Дохрюкивал я уже в галюне. В полный голос! Потом зализывал раны: кулак-то до крови прокусил!

Вечером на самоподготовке пришлось судорожно восстанавливать конспект лекции – обиженный преподаватель приказал мне предоставить ему плоды моего труда на проверку.

А роман про майора Пронина так и остался недописанным...

Мерзавцы

– Ну, курсанты, ну мерзавцы! Ну, сволочи! – и так минут пять, перемежая приличные слова непечатными выражениями. Все это время дежурный по училищу, ругаясь, не выпускал из рук пару бутылок водки. Наконец, выпустив пар, поставил водку на стол, снял шинель, отряхнул снег и сел в кресло.

– Что случилось, Виктор Владимирович? Кто вас так обидел? – спросил старпом дежурного по училищу.

– Меня невозможно обидеть! Меня можно удивить, удавить, на худой конец, удалить со службы на пенсию. В данном случае меня удивили. Меня так удивили, что просто хочется самому удавиться! – Дежурный вскочил с места и забежал из угла в угол.

– Да кто удивил-то? – не понял старпом.

– Если бы я знал, так не переживал бы! – горестно вздохнул дежурный. – Представляешь, пошел я обходить территорию. Время – после полуночи, из увольнения все вернулись, по крайней мере, дежурные по ротам доложили, что все на месте. Но ведь в самоволку наши орлы бегают? Бегают! Сам был курсантом, знаю. И знаю лучше нынешних – еще в начале пятидесятых лично через эти самые заборы сигал... Ну, это к теме не относится... Короче, решил я проверить «тропу Хо-Ши-Мина». Ну, знаешь, забор на лабораторном дворе. Там баки мусорные стоят прямо у забора, при желании можно на бак забраться, с него на забор, и – гуляй, Вася! Обрато – тем же путем. Подхожу я к забору, так и есть – шуршит кто-то с той стороны. Я тихонько встаю между баком и забором и жду. Слышу – полезло тело. Пыхтит, чем-то звякает, но упорно лезет. Наконец, сверху посыпался снег – забрался, сейчас прыгать будет! «Бах!» – приземлился на бак спиной ко мне. «Прыг!» – спрыгнул на землю. Тут я ему руку на плечо и положил, мол, попался, голубчик! А он повернулся ко мне и резко, с разворота... нет, не в морду. Он, мерзавец, оказывается, держал в руках две бутылки водки, вот их он мне и сунул, ляпнув: «Держи!». Ну, вот ты мне скажи, старпом, если тебе неожиданно сунут в руки две бутылки и скажут: «Держи!», ты что сделаешь? Естественно, я их машинально схватил. А этот мерзавец как припустит!.. Только пыль снежная из-под копыт. Куда там догонять? Мало того, что он моложе, так я еще с грузом – не бросать же водку-то, жалко. Самое печальное – я ведь из-за этой водки ни лица не разглядел, ни сколько у него лычек на рукаве. Тонким психологом оказался этот самовольщик!

На следующий день, сменившись, оба – дежурный и его старпом – распили трофейную водку (у Виктора Владимировича жена была в отъезде). Помолчав, старпом спросил:

– А что, Виктор Владимирович, положила руку на сердце, ведь молодец курсант, а? Не растерялся.

– Мерзавец твой курсант! – рассердился капраз. – Гауптвахта по нему

плачет. Никакой дисциплины! – сказал, и задумчиво посмотрел на своё отражение в окне. Ему вдруг вспомнились курсантские годы, и показалось, что отразившиеся в окне погоны капитана первого ранга растворились, и вместо звёзд на них появились курсантские якоря... Отражение взглянуло ему в глаза, улыбнулось и подмигнуло...

Комбриг

Степан Петрович Топорков был, как мы, курсанты, говорили, молодым и перспективным офицером – ему всего сорок пять лет, а он уже капитан третьего ранга! Командиром роты к нам он пришел из Нахимовского училища, где воспитывал пацанов. Его бывшие питомцы рассказывали, как он заходил к ним в казарму под утро и орал в мегафон: «Рота! Через пятнадцать минут подъем!!!». У нас в училище такими делами он не занимался, но его кредо можно было определить его же словами: *«Надо делать людям плохо, чтобы потом им было хорошо!»* и *«Если надо – все в гроб ляжем, но пока такой необходимости не возникло!»*.

С первых же дней командования нами он получил кличку «Комбриг» (помните, в «Бумбараше»: комбриг Мэ Нэ Колун?), звание «капитан второго ранга» и начал портить нам кровь. Надо отдать должное – это он умел хорошо делать! Одни его публичные выступления перед строем роты чего стоят! Рекорд длительности такого выступления – сорок восемь минут. При чем следует отметить, что выступать он любил обычно после занятий, то бишь, перед обедом. Но поскольку расписанием дня не было предусмотрено такого рода выступлений, то обед начинался сразу после занятий, но не для нас! Мы, выслушав кучу перлов от Комбрига, шли в столовую есть холодный обед. Слава Богу, такое безобразие продолжалось не каждый день, изредка нам удавалось и горяченького покушать.

Та самая рекордная (48 минут) речь Комбрига была посвящена одному курсанту – Васе Уховертову. А началось все незадолго до того дня, после очередного похода на овощебазу. Нам частенько приходилось работать на овощебазах, к счастью, не только на картофельных. Если мы работали с яблоками, арбузами, виноградом и т.д., то, помимо того, что возвращались с полными животами витаминов, так еще и о товарищах не забывали – приносили с собой, кто сколько сможет. Для этих целей у нас была специальная одежда: у старых списанных бушлатов, которые нам выдавали для работы, подрезалась подкладка так, что весь бушлат становился одним большим карманом, или, если хотите, мешком. В этих бушлатах мы и приносили в казарму фрукты. Надо отдать должное работникам овощебазы – они прекрасно знали, что мы уходим с полными бушлатами, но, жалея вечно голодных курсантов, позволяли нам и есть, и выносить – не такой уж большой ущерб мы наносили нашему государству.

В тот раз мы работали с яблоками. Кстати, работали ударно: вагон яблок, а это шестьдесят тонн, разгружали впятером за пару часов. В казарму пришли, как обычно, с полными бушлатами. Накормили товарищей, еще и «для дома, для семьи» осталось: человек десять-двенадцать положили оставшиеся яблоки в рундуки, чтобы завтра во время увольнения разнести их по домам.

С утра мы пошли на занятия. А в казарму пришел Комбриг и сразу занялся любимым делом – проверкой тумбочек и рундуков. Обнаружив в нескольких из них значительное количество «неуставных» яблок, Комбриг вызвал дневального Васю и задал соответствующий вопрос:

– А почему здесь делают яблоки?

Вася, уже привыкнув к косноязычию командира роты, ответил, что это – яблоки с овощебазы.

– Возьмите вещевой мешок и соберите мне все яблоки, – приказал Комбриг дневальному.

– А если все не войдут в один вещмешок? – поинтересовался Вася.

– Значит, соберем в два, три и так далее.

– А зачем, товарищ командир?

– После обеда понесем их на овощебазу сдавать и извиняться за воровство.

– Так мы же не воровали, – попытался объяснить Вася. – Нам их так отдали.

– Не могли вам их отдать, это не частная лавочка, а государственная овощебаза. Выполняйте приказание! – Комбриг начал нервничать – он не любил лишних вопросов.

Выполняя приказание, Вася собрал все яблоки в три вещевых мешка и поставил их возле тумбочки дневального. А перед обедом, идя в столовую проверять накрытие столов для роты, он решил внести коррективы в полученное приказание, тем более что, как он потом объяснял, «было сказано собрать яблоки, но не уточнено, куда конкретно их после сбора девать». В общем, Вася, идя в столовую, прихватил вещмешки с собой и разложил все яблоки по тарелкам, разделив поровну между курсантами роты. У Комбрига в столовой был свой отдельный столик рядом с нами. Этот столик остался без яблок.

Когда Комбриг, приведя нас в столовую, обнаружил, что его обделили, он страшно возмутился, мол, кто так небрежно принимал столы? Почему на моем столе нет яблок? На что Вася спокойно ответил:

– Так Вы же, товарищ командир, ворованные яблоки есть не будете.

Комбриг чуть не подавился от такой наглости:

– Старшина роты! После обеда построить личный состав перед столовой!

Говорят, после обеда хорошо бы соснуть минуток сто, чтобы улеглось и переварилось. Нам же пришлось постоять минуток сорок с хвостиком. Речь командира роты была длинная и непонятная, а заканчивалась она словами:

– За невыполнение приказа и проявленную беззубость в отношении яблок, курсанту Уховертову объявляю трое суток ареста!

...Утопив «Вильгельма Густлова», капитан третьего ранга Маринеско стал личным врагом фюрера. Арестовав Васю, капитан второго ранга Топорков стал личным врагом всей роты, а это почти сто человек. Фюрер был один, поэтому он не смог придумать достойную месть своему личному врагу. Не зря сам Топорков говорил, что «одна голова – хорошо, а два сапога – пара». Сто человек курсантов нашли способ отомстить Комбригу.

Следующий «культпоход» на овощебазу состоялся через неделю. Надо сказать, что в то время в Питере был «луковый голод» – репчатого лука в магазинах днем с огнем было не сыскать, что поделаешь – времена тотального дефицита! И надо же было так случиться, что на овощебазе нам пришлось разгрузать целую фуру с репчатым луком!

Топорков всегда ходил на овощебазу с портфелем. Что он там носил – смену белья, пару бутербродов или томик Устава Внутренней службы, – сие тайна, покрытая мраком. Однако этот портфель и натолкнул нас на мысль, как напакостить Комбригу.

Когда он в очередной раз подошел к нашей фуре проверить, как мы работаем, один из нас предложил ему:

– Товарищ командир, а давайте мы вам лучку положим для дома?

На что Комбриг ответил:

– Да вы что, зачем это?

– Так, товарищ командир, в Ленинграде же вообще лука нет в продаже. А когда еще этот поступит в магазины? И неизвестно, поступит ли вообще. А так вам жена спасибо скажет. Давайте, мы вам немножко в портфель насыпем.

Я бы на месте командира задумался, а чего это курсанты, всегда в открытую выражавшие не то чтобы ненависть, но, по крайней мере, сильную нелюбовь к нему, вдруг решили оказать услугу? Но Комбриг, растроганный до глубины души таким проявлением добрых чувств к нему со стороны подчиненных, потерял бдительность и протянул портфель, правда, со словами:

– Ну что вы, не надо...

Продолжая проявлять «нежные чувства» к командиру роты, мы нагрузили портфель под завязку отборнейшими луковицами. Если бы ему удалось донести их до дома, жена была бы весьма тронута такой хозяйственностью мужа. Но... видно, не судьба была Комбригу получить благодарность от своей половины.

Перед самым построением для следования домой, на проходную был заслан «казачок» с заданием нашептать на ушко дамам-«ВОХРушкам», что готовится грандиозное ограбление овощебазы. Задание было выполнено успешно, так как, подойдя к воротам, мы обнаружили их закрытыми, хотя обычно их открывали еще до нашего подхода к ним. Строй встал. Ворота не открылись. Комбриг подождал – безрезультатно. Тогда он помахал воротам руками – тишина. Комбриг решительно направился в сторожку к охране. Как только он шагнул за дверь, ворота сразу распахнулись, можно было идти садиться в автобус. Однако, никто из нас не вышел за ворота – всем было интересно, чем закончится дело. Толпа курсантов сгрудилась у окон здания.

К сожалению, через закрытые окна ничего не было слышно. Нам пришлось наблюдать «немое кино». Сюжет развивался следующим образом. Комбриг, зайдя в сторожку, обнаружил там начальника ВОХР, двух ВОХРушек среднего возраста и пару дюжих хлопцев-грузчиков, видимо приглашённых для поддержки штанов доблестной охране. Судя по жестам Комбрига, он пытался добиться от охраны, чтобы они открыли ворота и выпустили строй к автобусу, при этом показывал на часы, мол, поздно уже.

Начальник охраны внимательно выслушал Комбрига, затем о чем-то спросил его, указывая на портфель. Комбриг покраснел, но активно замотал головой, прижимая портфель к себе обеими руками. Начальник охраны опять ткнул в портфель и что-то сказал. Комбриг, опустив одну руку с портфелем вниз, второй начал размахивать перед собой, тыча пальцем себе в погон, грозя охране пальцем и лупя себя кулаком в грудь. Закончил он свою речь тем, что снял фуражку и опустил голову вниз, показав всем свою лысину и несколько раз похлопав по ней ладошкой (наверное, сочные шлепки раздавались при этом, жаль, что мы не слышали).

Думается, монолог Комбрига звучал так:

– Да что вы себе позволяете? Я – капитан второго ранга Советского Союза (иногда он так себя называл...), награжден кучей орденов (маленькой кучкой юбилейных медалей...), да я вас сам всех тут построю-подравняю! Чтобы советский офицер-подводник (вообще-то, в прошлом – начальник гауптвахты и командир роты в училище...) мог что-то украсть? Да ни в жисть! Не позорьте мои седины подозрениями! (А зачем Васю арестовал?..) Что вы мне в портфель тычете? Там у меня смена белья и список личного состава, больше ничего нет. Вы не имеете права проводить обыск офицера! Я протестую!!!

И так далее в течение пятнадцати минут.

Однако советскому офицеру было бесполезно спорить с советским ВОХРом. Кончилось тем, что Комбриг все-таки был вынужден вытряхнуть портфель на стол. Отборные дефицитные луковицы остались в сторожке, а Комбриг был выпущен на свободу. Мы к тому времени уже сидели в автобусе.

Все-таки Комбриг был умный человек. Он, конечно, всё понял, ибо первое и единственное, что он сказал, поднявшись в автобус, было:

– И за что вы меня так не любите?..

Кстати, Вася так и не отсидел свои трое суток ареста: Ленинград – город большой, места на гауптвахте не хватило.

Одно неувольнение

Вам когда-нибудь приходилось наблюдать, как мужик справляет малую нужду? Я имею в виду не сам процесс, а чисто теоретически. Обычно, если он, конечно, не левша, мужчина придерживает свои причиндалы правой рукой, дабы лилось туда, куда нужно, а не в сторону – на стенку, на пол или на соседа по галюну. Хорошо бы при этом не отвлекаться и не задумываться о чем-то постороннем, чтобы не расплескалось случайно.

Командир роты Степа Топорков, по кличке «Комбриг», левой не был. Поприседав перед писсуаром, он поискал правой рукой в ширинке и, выудив то, что искал, приступил к «отправлению малой естественной надобности», говоря его же словами.

В этот момент дверь в ротное помещение с шумом распахнулась, и в казарму влетел курсант Зайчиков – в робе навыпуск, без гюйса и без пилотки. Его взвод занимался во дворе физподготовкой, и он отпросился «на минутку отлить».

Дневальный, стоявший у тумбочки напротив двери в галюн, многозначительно посмотрел на Зайчикова и мотнул головой в сторону галюна, мол, Комбриг там.

Зайчиков понимающе кивнул. «Хорошо, что не спросил во весь голос, где Комбриг, а то нарвался бы», – подумал он. На ходу расстегивая клапан на брюках, Зайчиков влетел в открытую дверь галюна.

– Здравия желаю, товарищ Комб... – Зайчиков запнулся, но тут же поправился. – Товарищ командир!

Комбриг скосил глаза на курсанта. «Так, – подумал он, – без головного убора – раз, роба не заправлена в брюки – два, гюйса нет – три. Непорядок!»

– Вы пошему в таком виде, товарищ курсант? – строго спросил Комбриг с сильным белорусским акцентом.

– Так, товарищ командир, – приступив к орошению писсуара, ответил Зайчиков, – у нас физо на лабораторном дворе, меня преподаватель отпустил в галюн на минуту.

– Это я понымаю, шо физо, нэпонятно, пошему вы в таком виде?

Зайчиков с подозрением покосился на командира роты:

– Так я же говорю... физо... форма одежды... для спорта...

– Если вы вышли из строя физподготовки, то должны привести форму одежды в порядок, и уже потом следовать в нужное место.

«Нужное место – это нужник, что ли?» – подумал Зайчиков.

– Мы же переодевались в спортзале, а бегали на улице, перед казармой, – попытался объяснить он.

Диалог происходил под аккомпанемент двух веселых струек, льющихся из курсанта и командира.

– Не надо оправдываться. Я спрашиваю, пошему вы нарушаете форму одежды, товарищ курсант? – продолжал бубнить Комбриг, тупо глядя на стенку перед собой.

Зайчиков нахмурил лоб и поджал губы, задумавшись. Он никак не мог понять, что же ответить командиру. «Ну что ты распинаешься перед Комбригом, Заяц? – переживал за товарища дневальный. – Давно бы сказал, мол, виноват, исправлюсь. И все!»

– Виноват, товарищ капитан второго ранга! – словно услышав подсказку дневального, ответил Зайчиков.

Дальше Комбриг сделал то, чего никто из присутствующих не ожидал: он переложил в левую руку то, что все это время держал правой, принял стойку «смирно» и, приложив освобожденную руку к козырьку фуражки, торжественно произнес (всё под тот же аккомпанемент струек):

– За нарушение формы одежды объявляю вам одно неувольнение!

...В результате дневальный пострадал физически, а Зайчиков морально. Первый, согнувшись пополам от хохота, ударился лбом о тумбочку. Второй же, оторопев от увиденного, забыл основную мочеиспускательную заповедь – не отвлекаться, – вследствие чего облил стенку и забрызгал ботинки – свои и Комбрига.

Мыльная опера

Учебный корабль «Смольный» с толпой эрзац-штурманов на борту шёл вдоль берегов Африки. Человек пятнадцать курсантов столпилось у борта, наблюдая за играющими с кораблём дельфинами. Эти морские аборигены резвились, как дети в «лягушатнике». Выпрыгивали из воды, подныривали под днище, играли друг с другом в чехарду, весело поглядывая на будущих флотоводцев, мол, чего там стоите-сучаете, прыгайте к нам, поплаваем вместе.

А курсанты смотрели на них сверху вниз и завидовали. Погодка – прелесть! Солнышко шпарит прямо в темечко, водичка океанская, наверно, как парное молоко тёплая. Эх, искупаться бы сейчас! Поплавать с дельфинами в атлантических водах! И для тела приятно, и было бы, что рассказать домашним, мол, купались почти на экваторе (всего каких-то семь градусов широты не дошли до пояса планеты). Рядом, на левом траверзе, виден был берег Африки – пальмы, пальмы, пальмы. Экзотика! Пейзаж ласкал глаз.

Вдруг на палубу упала тяжёлая капля, за ней другая, третья... И тут разверзлись «хляби небесные», будто включили сотню душей одновременно. Даже не душей, а пожарных шлангов! Такого дождя курсантам ещё не приходилось видеть – вода лилась сплошной стеной.

Спрятавшись под козырьком палубы, молодежь с восторгом наблюдала за разгулом африканской стихии. Вдруг позади них открылась дверь, и из недр корабля вышел старший на борту – вице-адмирал Волин. Хорошо, что курсанты знали своего начальника училища в лицо, потому что видок у него был, мягко говоря, не совсем адмиральский. Ни фуражки, ни погон, ни галстука, даже брюк на нём не было – одни плавки. В таком виде адмирала видели впервые. В руках голый адмирал держал мочалку и мыло. Полотенце он бросил курсантам: «Подержите-ка!», вышел под дождь, намочился и стал деловито намыливаться.

Курсанты ошалело глядели на Волина. Такого им ещё не приходилось видеть: адмирал моется под дождём! Кто-то даже пожалел, что под рукой не оказалось фотоаппарата.

Пока ребяташки глазели на адмирала, тот уже намылился и встал под струи дождя смываться.

– Ну что смотрите, молодёжь? – весело крикнул им Волин, смывая мыльную пену. – Вам бесплатный душ предлагают, а вы стоите.

– А что, товарищ адмирал, нам тоже можно? – спросил кто-то из курсантов.

– Конечно! – разрешил адмирал, выпустив изо рта струйку воды. – Дуйте за мочалками.

Народ молниеносно разбежался. Через пару минут толпа раздетых курсантов выскочила обратно и стала весело намыливаться, довольная таким приключением. Адмирал к тому времени закончил банные процедуры и вытирался полотенцем, с интересом поглядывая на подчинённых.

Намыленные курсанты вышли на палубу под струи дождя смыть мыло, и тут словно кто-то перекрыл кран – «хляби небесные» заткнулись. Дождь прекратился так же моментально, как и начался. Дюжина намыленных курсантов стояла перед адмиралом и глупо хлопала глазами, разбрызгивая веками мыльную пену.

Адмирал спокойно собрал свои шильно-мыльные причиндалы, бросил на плечо полотенце и хохотнул, глядя на своё мыльное войско:

– Ну что, салаги, искупались? Это называется тропический ливень – запомните! Идет сильно, но недолго!

Ещё раз с удовольствием посмотрев на результаты своей шутки, смиловившись:

– Ну ладно, караси, дуйте в душевую. Я сейчас распоряжусь, вам дадут воду на пять минут. Кто не успеет – я не виноват. Брысь отсюда!

Толпа рванула по трапу вниз, в душевую, оставляя по дороге островки мыла. Обмыться тёплой водичкой успели все. Потом тем же составом делали приборку на центральном трапе, забрызганном мылом.

Так что, хоть и не довелось им поплавать в океане с дельфинами, но тема для эроти..., пардон, экзотического рассказа у курсантов появилась – как адмирал намылил им шеи в тропиках.

Бедный Вася

Флотская форма всегда была центром притяжения. К ней с вождением притягивались взгляды как мальчишек (эх, примерить бы на себя тельняшечку!), так и женского пола, который интересовался, в основном, обладателями бескозырок, бушлатов и брюк-клевш. Пройдешься этак в форме где-нибудь в глубинке нашей бескрайней Родины – половина женского населения твоя. Как говорится, кричали женщины «Ура!» и в воздух лифчики бросали!

Всем хороша форма военно-морского курсанта, одно плохо: всего два кармана, и те в брюках. А в них не много положишь – брюки широкие только снизу – клеш, а верхняя часть – в обтяжку. Сунешь в карман ключи или пачку сигарет, сразу такое впечатление, что это не из кармана выпирает, а откуда-то рядом... мужское достоинство наружу лезет. Возникает вопрос: где хранить документы?

Голь, особенно военно-морская, на выдумку хитра. Курсантские умы догадались вместо карманов использовать рукава. Засовываешь туда военный билет, он проваливается вниз, к обшлаго, и там лежит себе смирненько. А чтобы он не выпирал, его обычно приминают, чтобы он принял форму руки, так что у половины курсантов документы были постоянно скручены в дугу.

Ну ладно, место для военного билета нашлось. А что делать с бумажником? Его в дугу не скрутишь – даже пустой, он слишком толстоват для этого. Счастливые обладатели второго мужского достоинства – бумажников – носили их, засунув сзади за пояс. Ремень затягивался максимально сильно, поэтому бумажники прижимались крепко – ни выпасть, ни стать добычей жуликов.

Курсант Вася – будущий штурман флота Российского подводного – возвращался из летнего отпуска. За поясом у него торчал солидных размеров «лопатник», хранящий в своих кожаных недрах деньги и кучу разных билетов: военный, комсомольский, на поезд (туда и обратно, для отчётности) и отпускной (с отметками комендатуры, что съездил именно туда, куда его отправляли за казённый счёт).

Настроение у Васи было отменно приятное, хоть отпуск и закончился. Целый месяц отдыхал дома, в родной украинской деревушке, загорел, отъелся на домашних харчах. Кстати, за полгода учёбы (от отпуска до отпуска) Вася настолько отвыкал от «ридной мовы», что, приезжая домой, долго не мог начать разговаривать по-украински. А про себя думал: «Как они все смешно разговаривают!»

Но, как ни хорошо было дома, а к концу отпуска Вася уже начинал скучать по Питеру, по училищу, по друзьям-приятелям – таким же будущим флотоводцам; даже опостылевший командир роты по кличке Комбриг (столько курсантской крови выпил – просто вампир!) не казался таким уж злым и вредным – на расстоянии отрицательные эмоции почему-то притухают. Поэтому, выйдя из метро и почувствовав знакомые запахи недалёкого «Красного треугольника», Вася понял, что приехал «домой» и полетел, как на крыльях. Хотя..., возможно, скорости его передвижения к родному КПП, помимо желания оказаться в объятиях друзей, способствовало некое бурление в животе. Подозреваю, что и стремился-то Вася не столько в родную казарму, сколько в родное общенародное заведение, именуемое на флоте «галюном». В голове у Васи носилась противолодочным зигзагом и билась о стенки черепа одна мысль: «Только бы донести..., только бы дотерпеть!»

Уже у самых ворот КПП Васе неожиданно пришли в голову услышанные где-то строчки (у кого что болит, тот о том и говорит):

Хорошо быть кискою,
Хорошо – собакою:

Где хочу – пописаю,
Где хочу – покакаю...

Поскольку Вася не был ни кискою, ни собакою, ему стало совсем нехорошо. Чем ближе становилось до вожделенного заведения, тем труднее ему было терпеть. Нежелательный процесс в организме усиливался обратно пропорционально расстоянию до конечной цели – гальюна. Через плац Вася уже нёсся так, что мог побить мировой рекорд по бегу. Не зря армянское радио на вопрос: «Что быстрее всего?» отвечает: «Понос. Не успеешь подумать, уже бежишь!»

В гальюн Вася влетел, как торпеда в супостата, протаранив дверь головой. Руками он в это время судорожно расстёгивал ремень на брюках. Заскочив в кабинку, Вася развернулся спиной к «дучке» (это такой военно-морской унитаз без сиденья), рывком расстегнул брюки и спустил их... Сзади раздалось гулкое: «Плюх..!». Вася машинально оглянулся и посмотрел вниз. Он успел заметить подозрительно знакомый кожаный предмет, который аккуратненько нырнул прямо в дырку, сказав при этом: «Бульк!»

Потрясение от увиденного было настолько сильным, что у Васи моментально пропало желание облегчаться. Все нежелательные процессы в организме прекратились как по мановению волшебной палочки. Вася стоял над «дучкой», придерживая спущенные до колен штаны и, глупо моргая, смотрел в тёмное жерло военно-морского унитаза.

– О-о-о! Прямо в дерьмо-о-о!!! – складно застонал он. – Боже мой! Документы, деньги, отпускной, – перечислял он ущерб. – А комсомольский билет?!

Всё, буквально всё было утоплено в курсантском дерьме-с. Вася готов был разрыдаться. Только сейчас он понял, как был прав Комбриг, матеря любителей носить бумажники за поясом.

Постояв ещё немного над благоухающей бездной, Вася обречённо вздохнул, но... других вариантов не было. Вздохнув ещё раз, он решился. Засучив рукава почти до плеч, он встал на колени и, зажмурившись и стараясь не дышать, сунул руку в жерло «дучки». Бумажник он нащупал быстро. Как оказалось, он утонул неглубоко – рука измазалась содержимым гальюна всего по локоть...

Держа «утопленника» за более-менее чистый уголок кончиками пальцев, Вася пошёл к умывальнику, молясь о том, чтобы успеть отмыть руки, пока его организм не вспомнил, для чего он примчался в гальюн. Успел-таки!

Из содержимого бумажника больше всего пострадали военный и комсомольский билеты. «Военник» пришлось оформлять новый. А комсомольский билет – весь в радужных разводах – он менять не стал. А на все претензии политбоссов (во что превратил комсомольский документ?) с гордостью отвечал, что наоборот, как герой, спасал драгоценный комсомольский билет, ныряя в кучу дерьма и захлёбываясь фекалиями.

Этот раритет и сейчас цел. Вася оставил его на память, чтобы было о чём рассказывать внукам.

«Подводники... вашу мать!»

Ночь. Атлантика. Учебный корабль «Смольный» с курсантами на борту со скоростью велосипедиста идёт куда-то на юг. В штурманском классе будущие подводники флота Российского пытаются стоять на вахте. Но получается далеко не у всех – корабль раскачивается, как Ванька-встанька. Прокладку ведут всего три – четыре человека (самые стойкие). Остальные лежат. Одни, с серыми лицами, – прямо на столе, подложив под голову Морской астрономический ежегодник. Другие, с зелёными физиономиями, – на палубе в обнимку с обрезом, в котором плещется недавно съеденный ужин.

Прямо напротив двери штурманского класса обнимается со своим обрезом курсант Вася. Периодически он, вынимая из обреза голову, обводит взглядом своих приятелей, и эта картина вызывает у него истерический смех.

– Толик, ё-моё! У тебя сейчас через край польётся! Отхлебни! – и тут же, представив себе эту картину, забирается лицом обратно в обрез. Выдавлив из себя очередную порцию ужина, Вася переключается с Толика на кого-то другого.

В это время дверь открывается, и в класс заходит старший практики начальник училища вице-адмирал Волин – в отглаженных брюках, кремовой рубашке без галстука, офицерской пилотке. Свеженький, бодрый, никаких симптомов морской болезни. Презрительно оглядев лежбище будущих штурманов, он останавливает взгляд на сидящем перед ним Васе.

– Ну что, курсант, плохо, да?

У Васи не было сил ответить адмиралу – синусоида его самочувствия только что опять опустила Васину голову в обрез. Он пробубльнул в ответ нечто невразумительное, надо полагать, согласился, что, мол, так плохо – дальше некуда!

Адмирал ещё раз обвёл взглядом полумёртвые тела, покачал головой и вышел из класса. Но вышел он не в ту дверь, через которую вошёл – с центрального трапа. Он решил подышать свежим воздухом, поэтому вышел на пелорусную палубу.

Адмирал сделал всё правильно, кроме одного: он не подумал, что палубой выше тоже имеется штурманский класс. На всех блюющих курсантов обреза не хватало, поэтому некоторые из них, кто ещё был в состоянии двигаться, выбегали на палубу и, перегнувшись через леер, метали свой ужин прямо за борт.

Адмирал не учёл ещё один нюанс: он вышел на палубу с наветренного борта. Поэтому, когда он закрыл за собой дверь, и повернулся лицом к борту, то получил хорошую порцию недопереваренного ужина прямо... нет, не в морду, слава Богу. Всего-навсего на рубашку, зато как красиво! Когда он ворвался обратно к нам в класс, на нём была надета наискосок «орденская лента» из кусочков морковки, макарон и ещё чего-то разноцветного.

Открыв рот, разъяренный адмирал хотел, было, высказать нам всё, что он о нас думает, но здравый смысл взял верх над эмоциями. Он сообразил, что приобрёл это украшение на рубашку не с нашей помощью. «Благодарить» надо было соседей сверху.

Адмирал ещё раз оглядел себя и процедил сквозь зубы:

– Подводники, ...вашу мать! – с этими словами он вышел из класса (через центральный трап). Наверное, стираться...

Приснится же такое!

День выдался тяжелый – и в физическом, и в моральном плане. На физподготовке сдавали кросс – еле добежал до финиша (язык через плечо!). По электротехнике за «жучок» схватил «неуд» – пришлось после обеда пересдавать. На самоподготовке решал астрономические задачи – ну не получаются, хоть ты тресни! Да еще в город не сходил – Комбриг объявил очередное неувольнение. В общем, день не задался с утра. Курсант Вася Уховертов в расстроенных чувствах готовился к отбою, перебирая в уме все минусы прошедшего дня.

Васина койка располагалась на втором ярусе. Он легко подкинул тренированное тело и принял горизонтальное положение. Устав за день, заснул практически сразу, как только голова коснулась подушки. Спал он беспокойно, все какие-то кошмары снились.

Около полуночи в казарму вдруг пришел начальник училища со свитой – дежурные по училищу, по факультету, начпо и иже с ними. «И чего их занесла нелегкая? – гадал дежурный по роте. – Сейчас накопают всякого дерьма, потом оправдывайся перед Комбригом...».

Оправдаться перед командиром роты было нелегко, если не сказать – невозможно. Однако дежурный по роте держался молодцом, несмотря на то, что впервые общался с начальником училища тет-а-тет.

А дедушка-адмирал, в принципе, и не собирался копать дерьмо-с. Не та у него должность! Если бы возникла такая необходимость, всегда можно было послать с этой целью клерка из строевого отдела, уж эти ребята накопают столько, что потом проще застрелиться, чем отмыться. Адмирал, решая какие-то свои адмиральские дела, случайно задержался в кабинете допоздна, и, пользуясь случаем, решил посмотреть, как почивают его курсанты. Ну, а пока он шел в казарму, оброс свитой – начпо, видя, что начальник училища не идет домой, «случайно» тоже нашел неотложные дела, остальные – по аналогии с главным политрабочим также заработались, трудоголики наши. Вообще, такая ситуация на флоте называется «имитация кипучей деятельности». В результате в казарму забрела целая толпа.

Зайдя в спальное помещение, адмирал прошелся вдоль коек. Курсанты спали мертвым сном. Проходя мимо койки уставшего за день Уховертова, начальник училища обратил внимание, что с того сползло одеяло, и курсант от холода весь съежился, свернувшись в клубочек на подушке. Дедушка-адмирал решил проявить отеческую заботу и поправить одеяло будущему флотоводцу. Вообще-то, в таких случаях лучше поручить кому-нибудь это дело, потому как спящий человек, а особенно курсант, непредсказуем в своих действиях.

Поправляя одеяло, адмирал случайно толкнул спящего Васю в бок. Тот приподнял голову, открыл наполовину один глаз и свесил лицо вниз. Прямо перед собой он увидел погон с двумя огромными адмиральскими звездами. Посмотрев пару секунд на это чудо природы, Вася крепко зажмурился, потряс головой и, ...плюнул на этот мираж:

– Тьфу ты черт! Приснится же херня такая!

Повернувшись на другой бок, Вася тут же захрапел.

Покосившись на обесчещенный погон, адмирал на секунду замер, потом махнул рукой и пошел к выходу. Онемевшая свита побрела следом. Нет, Васю потом не расстреляли и даже не наказали. Но отеческую заботу наш адмирал больше не проявлял. И правильно, не барское это дело!

Борис Абрамович

Капитан первого ранга Борис Абрамович Герман был, пожалуй, самым уважаемым человеком в училище. Ему было уже за семьдесят, он был маленький, худенький, страшенький, как все евреи в его возрасте. Походка его напоминала ходьбу по неровной дороге – то ямка, то кочка – с закрытыми глазами. Года согнули его спину, и при ходьбе он смотрел вниз, выставляя на всеобщее обозрение обширную лысину, покрытую старческими пятнами. Казалось бы, внешне – ничего особенного, старичок как старичок. Но что было с нами, курсантами, когда мы сталкивались с ним где-нибудь в коридоре учебного корпуса! Курсанты пятого курса, без пяти минут лейтенанты, которые не всегда отдавали честь офицерам младше капитана второго ранга, эти разгильдяи, которых на флоте называли «неволинские ублюдки», встретив Бориса Абрамовича, просто прилипали к стенке по стойке смирно. Отдавали честь, глядя на него, и в глазах их была, ...нет, не любовь, ... было какое-то обожание, смешанное с восторгом от того, что они не просто счастливы находиться рядом с такой личностью, как капитан первого ранга Герман, а имеют честь быть его учениками.

За свою долгую жизнь Борис Абрамович изобрел такое количество хитрых «штучек», стоящих на вооружении флота, что имел «иконостас» на груди, какой и не снился незабвенному Леониду Ильичу. Он умудрился дважды пройти все ступеньки служебной лестницы от лейтенанта до капитана первого ранга. Первый раз капраза он получил еще до войны, но в сорок первом, когда, вез из Ленинграда в Москву чертежи своей новой секретной «штуковины», познакомился в купе поезда с интересной женщиной... Наутро, проснувшись, не нашел ни своей новой знакомой, ни портфеля с чертежами. От расстрела его спасло только то, что второго такого специалиста в стране не было. Борис Абрамович был разжалован до лейтенантов, но к концу войны опять стал капразом.

А как он принимал экзамены! Отвечает ему курсант по билету, а Борис Абрамович потихоньку засыпает, засыпает... Голова свешивается на грудь, слюнки потекли, засопел дедушка. Курсант, чтобы не разбудить его, продолжает монотонно нести ахию. Наконец, запас слов иссякает, следует бодрый доклад:

– Курсант Пупкин ответ закончил!

Борис Абрамович просыпается, с шумом втягивает носом воздух, вытирает слюнки и спокойно говорит с ярко выраженным еврейским акцентом:

– Ну что же, товагищ кугсант, вот здесь вы ошиблись, тут допустили неточность, в этом вопгосе показали абсолютную безггамотность. А мину, о котогой вы сказали, что ее пгидумали амегиканцы, избогел в одна тысяча девятьсот пятьдесят пятом году я, и получил за нее вот этот огден Ленина, но это неважно. Ну что ж, думаю, нам пгидется всттетиться осенью...

Вот так: спит, а все слышит!

Ходил Борис Абрамович в старенькой, засаленной, выдавшей виды тужурке. Периодически начальник училища делал ему замечания типа:

– Борис Абрамович, ну нельзя же так – пора надеть новую тужурку.

На что Борис Абрамович отвечал:

– Мне эта тужурка догога, как память: мне в ней еще Михал Иванович Калинин огден в Кгемле вгучал!

Лет пять, если не больше, капитан первого ранга Герман не был в отпуске. А чем ему еще заниматься, как не любимым делом – учить будущих адмиралов флота Российского. Как ни выгонял его начальник училища в отпуск, не идет Борис Абрамович, хоть ты тресни!

– Ну что я там буду делать, в четыгех стенах? Я уж как-нибудь на кафедре отдохну, товагищ адмигал, – просил Борис Абрамович начальника училища, кстати, своего бывшего ученика. А тому как-то неудобно строить своего учителя, тем не менее, приходилось приказывать:

- Как хотите, Борис Абрамович, но с завтрашнего дня вы в отпуске! И без возражений.
- Хогошо, товагищ адмигал, – уныло соглашался Борис Абрамович.

Назавтра начальник училища приходит на службу – Борис Абрамович сидит на кафедре. Эхо от адмиральских воплей долго витает под сводами старинного здания...

Вечером адмирал выходит к разводу суточного наряда и лично инструктирует мичмана – дежурного по КПП:

– Я запрещаю пускать капитана первого ранга Германа на территорию! Под страхом смерти!! Сниму с должности и уволю без пенсии!!! Не дай Бог! (и так далее).

Утром Борис Абрамович ковыляет на службу. Перед вертушкой перед ним на колени падает дежурный по КПП:

– Товарищ капитан первого ранга, не губите! Начальник училища приказал вас не пускать, иначе он мне кровь пустит.

– Ну что же, пгиказ есть пгиказ. Пгиказы надо выполнять, – соглашается Борис Абрамович, выходит на улицу и уныло стоит, сгорбившись, перед КПП. Дождавшись первого же курсанта, возвращающегося из увольнения, он обращается к нему:

– Товагищ кугсант, где вы ходите в самовольные отлучки?

Онемевший пятикурсник, хлопая глазами, смотрит на капраза.

– Да что вы такое говорите, товарищ капитан первого ранга? Чтобы мы, советские курсанты...

– Не надо, товагищ кугсант, – перебивает его Борис Абрамович, – я сам был кугсантом, поэтому лучше молча ведите меня, куда надо, я никому не скажу, слово офицега.

Удивляясь по дороге странной просьбе старого преподавателя, курсант покорно ведет Бориса Абрамовича к «тропе Хо-Ши-Мина», как мы называли лаз через забор на волю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.